

ОГЛАВЛЕНИЕ



ГЛАВА 1	
Кухонная дипломатия.	11
ГЛАВА 2	
«Дакотцы».	26
ГЛАВА 3	
Призрак	40
ГЛАВА 4	
На руинах эмоций	58
ГЛАВА 5	
Фильмы разума.	73
ГЛАВА 6	
Эль-Солано.	91
ГЛАВА 7	
Кеннон Хилл	108
ГЛАВА 8	
Megan Jaye	123
ГЛАВА 9	
Фейрилендс.	139
ГЛАВА 10	
Фабрика хитов	159
ГЛАВА 11	
Игра сердец	173

ГЛАВА 12	
На пороге 192
ГЛАВА 13	
Жизнь начинается в 40 211
ГЛАВА 14	
Record Plant 227
ЭПИЛОГ	
Сезон стекла 248
Благодарности 259
Библиография 261
Примечания 268

Орео Куки, настоящему другу

В конце все будет хорошо. Если не хорошо, значит, это еще не конец.

Приписывается Джону Леннону

Мечтать в одиночку — это просто мечтания. Мечтать сообща — это действительность.

Йоко Оно

ГЛАВА 1

КУХОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ



Заканчивался декабрь 1979 года, и рождественские каникулы, во всей их сезонной мишуре и блеске, уже решительно распоряжались Нью-Йорком. Это была самая мягкая зима из всех зим, о которых имелись сведения. Целый месяц, от Нью-Джерси до Коннектикута, декабрь баловал непривычным теплом и солнцем, однажды нагрел воздух до обволакивающих 65 градусов по Фаренгейту*. Но когда Рождество показалось на горизонте, снег в конце концов накрыл город.

Белое покрывало без малого в десять сантиметров толщиной было наброшено и на Верхний Вест-Сайд, где прятался от любопытных глаз Джон Леннон, 39-летний экс-фронтмен *The Beatles*. Он стал, без преувеличения, отшельником с апреля 1975 года, когда появился на телеэкранах с акустической гитарой в руках и спел *Imagine*, свой самый прославленный гимн миру, а затем тихо удалился в «Дакоту» — дом в Манхэттене, похожий на крепость. Несколько месяцев спустя, в день 35-летия Джона, его жена Йоко Оно родила их сына Шона. И после этого, насколько мог судить об этом белый свет, простирающийся за пределами «Дакоты», Леннон практически исчез из публичной жизни.

Джон был измучен своей многолетней юридической тяжбой за право остаться в Соединенных Штатах, увенчанной получением столь желанной «зеленой карты» в 1976 году. В это же время он и Йоко, которой в феврале 1979 года исполнилось 46, воссоединились после того, как Джон

* 18 градусов по Цельсию. — Здесь и далее примеч. переводчика.

завершил свои распутные «потерянные выходные» на Западном побережье в компании сильно пьющего Гарри Нильсона, бывшего товарища по группе Ринго Старра, Кита Муна из *The Who* и подружки Джона Мэй Панг. Но к тому моменту, когда припозднившаяся зима 1979 года вступила в свои права, имя Джона почти исчезло из заголовков, не считая появления в вечернем гала-концерте по случаю грядущей инаугурации президента Джимми Картера в январе 1977 года. К тому моменту Леннон не выпустил ни одного студийного альбома после долгоиграющего *Rock'n'Roll* 1975 года, под завязку набитого старыми, зажигающими его сердце стандартами вроде *Be-Bop-A-Lula* Джина Винсента, *Stand By Me* Бена Кинга и *Peggy Sue* Бадди Холли. После того как *Rock'n'Roll* оказался в магазинах звукозаписи, добравшись до топ-10 в таблицах *журнала Billboard*, Джон выдал на гора единственную пластинку лучших хитов. Сборник синглов *Shaved Fish* вышел спустя несколько недель после рождения Шона и окончания иммиграционных баталий Джона. На обложке показательно, на видном месте, красовалось послание Уинстона О'Буги (музыкальный псевдоним Леннона): «Заговор молчания звучит громче слов». Если Джон и оставил слушателям подсказку, указывающую на предстоящее отшельничество, это она и была. Что еще более важно, с выходом *Shaved Fish* заканчивались обязательства экс-битла по контракту с компанией его бывших «однотруппников» — *EMI*. Формально контракт истек через несколько месяцев, в январе 1976-го. Решив не заключать новое соглашение с лейблом, который был для него родной студией с 1962 года, Джон — впервые с тех пор, как началась его профессиональная жизнь, — мог не готовить к выходу на музыкальный рынок новую запись.

Отсутствие Джона на музыкальной сцене будет заметно большую часть поздних 1970-х, а прервется, всем на удивление, обращением в газете. В мае 1979 года он ненадолго приостановил добровольное затворничество, опубликовав текст на целую полосу в *New York Times*. Заголовок гласил: «Послание любви от Джона и Йоко людям, которые спрашивают нас что, когда и почему». Пара призывала мир понять «наше молчание» как «молчание от любви, а не от равнодушия».

«Помните, мы пишем в небесах, а не на бумаге — вот наша песня. Поднимите глаза и посмотрите на небо. Там наше послание».

Характерно, что до этого с таким посланием пара обращалась к миру почти десять лет назад. В декабре 1969 года они начали тщательно продуманную кампанию, размещая в крупнейших городах мира билборды, гласившие:

«ВОЙНЕ КОНЕЦ! — если вы хотите этого. Счастливого Рождества от Джона и Йоко» (1).

Однако теперь ставки отличались разительно — они были гораздо ниже. Если тогда знаменитая пара влилась в растущие отряды контркультуры, протестующие против творившихся зверств вьетнамской войны, десять лет спустя они публично трогали пальчиком мутные, бурно кишащие воды поп-культуры конца 1970-х.

В то время как одни читатели нашли послание доброй воли сбивающим с толку, даже полным недоговоренностей: они просто стараются вновь уверить в своем существовании мир, который иначе прошел бы мимо них? — другим доброжелательные размышления Джона и Йоко, отправленные из уединения в Верхнем Вест-Сайде, придали сил.

Хотя в майском обращении 1979 года отсутствие объяснялось долгой «генеральной уборкой в умах», представление о том, что Леннон многократно обеспечил себе отход от дел, практически не обсуждалось. Почти всю свою взрослую жизнь он провел, не слезая с безостановочной карусели музыкального бизнеса, истратив последние годы юности и раннюю молодость на то, чтобы в первую очередь попасть в эту чертову карусель.

Но, как бы то ни было, Джон и Йоко получили и свою долю оппонентов. Главным среди сомневающихся был резкий на язык Дэйв Марш. Двадцатидевятилетний музыкальный критик журнала *Rolling Stone* в серии открытых писем (второе из них опубликовали как ответ на послание пары в *New York Times*) упрасивал Джона прервать уединение и помочь гражданам западного мира разобраться в обманчивом пейзаже пост-шестидесятых, пост-Уотергейта, пост-Вьетнама. (Марш сделал себе имя, как, пожалуй, самый язвительный и недовольный автор прославленного журнала. И читающая публика любила его за это. Но когда дело коснулось Леннона — истинного героя, каким он был для Марша в 1960-х, в юношеские годы становления будущего критика, — колкий автор ослабил напор и рассуждал идеалистически.)

«Мне было очень больно, — вспоминал позднее Марш. — Мы обижались на него за то, что он нас бросил». И дальше: «Как большинство фанатов рока, я считал само собой разумеющимся, что Джон Леннон существовал, чтобы бесперебойно обеспечивать досуг, вдохновение и толкование происходящего».

Реакция Джона на открытые письма Марша дошла до автора через общих друзей. «Я никому ни хрена не должен, — без обиняков заявил Леннон. — Я свое дело сделал. Теперь очередь всех остальных».

Марш был раздавлен, что объяснимо. Вместо того чтобы вдохновить кумира на громкое возвращение в мир музыки, он добился лишь прицельного заряда гнева Леннона.

«Я чувствовал себя ничтожным, — признавался критик. — Мне до тех пор никогда не приходило в голову, что своим отношением я низвел того, кого любил и восхищался, до положения торгового автомата» (2).

Когда Джон предпочел отгородиться от своей мегаизвестности и сочинения музыки, «Дакота» оказалась идеальным местом, чтобы укрыться от всего этого, предаваться ностальгии и в кои-то веки наслаждаться хорошей жизнью.

Для начала, изящные линии крыши «Дакоты» выглядели точной копией остроконечной крыши сиротского приюта Армии Спасения под названием «Земляничная поляна» (*Strawberry Field*), буквально в нескольких шагах от «Мендипса» — дома его детства в Ливерпуле. Но, что еще важнее, «Дакота» воплощала несравненный уровень и привилегированность — почти вековая превосходная репутация, обещавшая вдобавок такую необходимую возможность не быть у всех на виду.

«Дакоту» — одну из самых чтимых и загадочных достопримечательностей Нью-Йорка — построили в начале 1880-х годов по заказу Эдварда Кларка, который вместе с Айзеком Зингером основал «Компанию швейных машин Зингера» в 1851 году. Ту самую фирму, что в середине века совершила революцию в пошиве одежды. Когда в 1875 году Зингер умер, Кларк стал президентом компании и в последующие годы оказался на вершине иерархической лестницы Нью-Йорка.

Кларк понимал, что не все могут позволить себе жить в частных городских домах, как фантастически богатые Вандербильды и Асторы, поэтому загорелся идеей архитектора Калверта Вокса — тот был одним из авторов ландшафта Центрального парка. Вокс полагал, что горожане должны жить в квартирах французского стиля. Его коллега, архитектор Ричард Моррис Хант, разделяя эти взгляды, в 1869 году спроектировал первый американский многоквартирный дом «Стайвесант» в окрестностях городского парка Грамерси. Неудивительно, что одним из первых жильцов «Стайвесанта» был Вокс.

Однако, на взгляд Кларка, будущее ожидало ньюйоркцев на живописных зеленых улочках, очерчивавших границы Центрального парка. Там можно было бы наслаждаться элегантностью и утонченностью жизни, вдали от суеты и городского сброда. Когда Кларк впервые задумался о строительстве роскошных апартаментов, в Верхнем Вест-Сайде, где он

вознамерился это сделать, царило запустение — часть города, заброшенная настолько, что даже Восьмая авеню, ведущая к западным границам Центрального парка, была еще грунтовой колеей. В 1877 году Кларк приобрел два акра (0,8 га) земли на углу Централ Парк Вест и Западной 72-й, по-царски заплатив \$200 000 (что равнялось бы \$4,8 млн в 2018-м). Воплотить свою идею в жизнь он поручил архитектору голландского происхождения Генри Харденбергу. Тому же строительство «Дакоты» представлялось шансом ничем не ограничивать воображение и создать то, что, когда настанет час, безусловно станет одним из самых заметных адресов быстро растущего города. Результатом явились многочисленные украшения в духе Старого Света — острые верхушки крыши, внушительные балюстрады, проткнутые дымоходами, флагштоками и наверхиями. Внешнюю облицовку «Дакоты» выполнили из фризов резного камня, а по периметру здания проложили сухой ров, украсив оградку ликами бородатого Нептуна, в окружении двух змей.

Вышло так, что Кларк не дожил до воплощения своей мечты о роскошном доме в Верхнем Вест-Сайде. Семидесятилетний магнат скончался от малярии в октябре 1882 года в своем загородном доме в Куперстауне (штат Нью-Йорк), оставив после себя собственность, оцененную примерно в 25 миллионов долларов. Когда здание открыло двери в октябре 1884 года, многочисленные критики «Дакоты» заклеили ее «капризом Кларка», указывая на расположение дома среди хлипких лачуг бедняков, ютящихся на птичьих правах на запустелых северо-западных окраинах города*. Легенда гласит, что необычное название дом получил якобы из-за его удаленности — он стоял на таком расстоянии от городского центра, что мог бы быть построен и на территории Дакоты**. На самом деле нью-йоркская «Дакота» брала истоки в увлечении Кларка традициями и преданиями коренных американцев*** и освоении западных территорий в ту эпоху (3).

Хотя у нового здания хватало критиков, нью-йоркская *Daily Graphic* приветствовала его торжественное открытие громким заголовком, описав «Дакоту» как «один из самых совершенных жилых домов в мире». Ньюйоркцы

* «Каприз Кларка» — игра слов. В архитектуре капризом, или фолли (от *англ.* Folly) называются здания, служащие для развлечения хозяев и гостей богатых домовладений, особняков знати, дворянских усадеб. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

** Территория Дакота — территория, существовавшая в США с 1861 по 1889 год. Впоследствии стала штатами Южная Дакота и Северная Дакота. Изначально дакота — название одного из индейских племен.

*** Коренные американцы — принятое ныне в американской публицистике и официальных документах обозначение индейцев.

реагировали так же; городская элита поспешила взять в найм все 65 квартир дома задолго до того, как в них можно было поселиться. Угнездившаяся на углу Централ Парк Вест и Западной 72-й «Дакота» стала архитектурным чудом, она выделялась среди городского пейзажа, а сандрики (профилированные карнизы над окнами) и балюстрады придавали ей черты архитектуры немецкого Возрождения, не говоря уже о зловещих горгульях, охранявших ее периметр наверху (4). Был еще и впечатляющий свод над проездом к дому со стороны Западной 72-й улицы, к главному входу в здание XIX века — въездная арка, изначально построенная для приема конных экипажей, подкатывавших к находящемуся в глубине патио «Дакоты», элегантно оформленному парой фонтанов с украшениями из витого железа. В более поздние годы с западной стороны проезда установили обитую медью будку сторожа. Барельефы Айзека и Изабеллы Зингер украшали гребень над входом. Еще выше изображался индеец из племени дакота, вперивший зоркий взгляд в уличную жизнь внизу. Архитектурным контрапунктом к помпезному арочному проезду стала меньшая по размеру и редко использовавшаяся задняя дверь, известная под названием «Вход гробовщика», которой Харденберг украсил менее парадный северный фасад.

Ленноны, как называли их неприветливые жильцы «Дакоты», приобрели апартаменты на седьмом этаже в 1973 году, на следующий год после того, как здание внесли в Национальный реестр исторических мест. В 1976-м «Дакоту» объявят исторической достопримечательностью национального значения. С конца 1960-х здание присутствовало в американском сознании, когда знаменитый режиссер Роман Полански снял уличные планы знаменитого дома для своего мистического триллера «Ребенок Розмари», а от готической архитектуры «Дакоты» у зрителей по спине бежали мурашки. Фильм Полански изрядно эпатировал киноманов конца шестидесятых, в том числе натуралистично снятым самоубийством персонажа, выпрыгнувшего из окна на седьмом этаже. Еще более дурную славу картина обрела из-за сцены изнасилования Сатаной главной героини, которую играла Миа Фэрроу. Так, благодаря фильму Полански, дом приобрел весьма специфическую репутацию, хотя в действительности судьба благоволила «Дакоте» и ее насельникам — если они и умирали, то чаще всего по естественным причинам.

Хотя о вторжении Сатаны в дом по адресу Западная 72-я, 1* ничего не сообщалось, здание окружали слухи о некоей Плачущей даме, обитающей в нем.

* Официальный адрес «Дакоты»: *1 West 72nd street.*

Молва утверждала, что в доме поселился дух Элис Весли — несгибаемой защитницы, стоявшей на страже репутации здания в предвоенные годы, когда Весли была управляющей «Дакоты». Женщина пережила личную трагедию — в 1930-х годах ее любимый сын попал под колеса грузовика и погиб на месте прямо перед зданием. Позднее напротив той самой арки «Дакоты» умер давний жилец дома, бродвейский художник-постановщик Джо Милзинер. Разработавший для «Дакоты» новый, безупречный дизайн служебных лифтов, которые были установлены по четырем углам внутреннего двора, Милзинер скончался за несколько дней до своего 75-летия, сидя в такси (он возвращался от своего врача).

Вскоре после смерти Милзинера слухи о призраках «Дакоты» мощно зазвучали вновь. Как-то раз оторопевшие жильцы увидели, что один из преображенных художником лифтов «по своей воле» пошел наверх с подвального этажа. Как рассказывал потом историк Стивен Бирмингем, «потребовались четверо сильных мужчин, чтобы совладать с тросами и снова вернуть лифт вниз» (5).

Как оказалось, Джону и Йоко в их удачном приобретении квартиры в престижной «Дакоте» также способствовала смерть. В 1972 году жена актера Роберта Райана — Джессика умерла от рака в квартире номер 72. Звезда классических вестернов «Плохой день в Блэк-Роке» (1955) и «Дикая банда» (1969), Райан был раздавлен потерей жены, с которой прожил в браке 33 года. Пытаясь смириться с ее безвременным уходом, актер переехал по адресу Централ Парк Саут, 88, рядом с отелем «Плаза», и умер от рака легких в 1973 году. А Джону и Йоко не терпелось скорее уехать из их чердачной квартиры на Бэнк-стрит — они хотели найти жилье и побольше, и безопаснее. Незадолго до этого они присматривались к домам в Гринвиче, Коннектикуте и Род-Айленде, и тут узнали, что освободилось бывшее жилище Райанов. Торопясь скорее обрести здесь квартиру, Джон и Йоко вначале сняли апартаменты у Райана, а потом выкупили их из его наследства.

Зная, какие обстоятельства привели к внезапной доступности жилья, и восхищаясь потрясающим видом на Центральный парк из окон квартиры номер 72, они наняли медиума провести сеанс, который помог бы оценить духовное благополучие их нового дома. После того как медиум заверил, что установил контакт с Джессикой, обрадованная Йоко позвонила дочери Райанов Лизе, дабы сообщить о том, что душе ее усопшей матери очень хорошо. По словам медиума, покойная госпожа Райан вовсе не собиралась покидать надмирные сферы и обещала не нарушать семейный покой

новых жильцов. Несмотря на объявленные медиумом радостные известия, Лизу полученные от Йоко новости огорчили. Позже она говорила: «Если привидению моей матери и есть место, то здесь, со мной — не с ними».

В «Дакоте», словно историй о привидениях в доме было недостаточно, существовала еще и собственная, очень продуктивная «фабрика слухов». Что касается Леннонов, действовавшее в «Дакоте» объединение домовладельцев опасалось потенциальных «общественных проблем», когда тут селились такие, как Джон и Йоко (6). Как заметил в ту пору глава домовладельческого объединения Гордон Гринфилд, «нам хотелось видеть здесь жильцов консервативного склада, хотелось достойных соседей, семейных, мы не хотели всякое отребье. У нас в доме всегда была представлена интересная группа людей театра — такие как Роберт Райан и его жена. Ленноны купили квартиру Райанов, и вы никак не сможете поместить Джона Леннона в ту же категорию, что и Роберта Райана».

Что еще хуже, обитатели «Дакоты» полагали, будто Джон и Йоко намерены скупить в доме каждый свободный уголок — и действительно, к осени 1979 года относительно небольшая семья Леннонов владела 28 комнатами. При этом ходил еще один слух: о жильце, который до войны якобы спрятал под паркетом в будущей спальне Джона и Йоко 30 000 долларов, и эти деньги оставались там все это время в ожидании тех, кто их обнаружит (7).

Когда же речь шла о скупке доступной в доме недвижимости, соседи Леннонов были точны в своих долго вынашиваемых предположениях, а в последующие годы — в негодовании. По словам жильца «Дакоты» Пола Голдбергера, архитектурного критика еженедельника *The New Yorker* и члена объединения домовладельцев, «существовала некоторая неприязнь по отношению к Йоко, скорее потому, что она старалась купить больше квартир. Думаю, люди не осмеливались разозлиться на Джона Леннона, поэтому Йоко несла груз этой неприязни на себе». Другие «дакотцы» защищали пару, в том числе певица Роберта Флэк, которая считала, что «когда вы Джон Леннон и Йоко и у вас есть все деньги этого мира, с какой стати он не может купить все, что он хочет?»

Действительно, Джон и Йоко почти не упускали возможности купить дополнительные квадратные футы по адресу Западная 72-я улица, дом 1. В 1977 году в дополнение к квартире номер 72 они сняли примыкающие к ней апартаменты у Аллена и Элен Стэйли, когда эта семейная пара уехала на год отдыхать за границу. На время годового отсутствия соседей Ленноны